

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

УДК 87.3(2)61-07
ББК 87.3(2)53-308

Александр Александрович Ермичёв

Русская христианская гуманитарная академия, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и религиоведения, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: 7723516@gmail.com

С.Л. Франк. Памяти А.И. Введенского (републикация и критические замечания А.А. Ермичёва)

Alexander Alexandrovich Ermichev

Russian Christian Humanitarian Academy, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies, Russia, St. Petersburg, e-mail: 7723516@gmail.com

S.L. Frank. In memory of A.I. Vvedensky (Republication and Critical Remarks by A.A. Ermichev)

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.1.169-175

Скончался А.И. Введенский. Я испытываю личную – скажу прямо: религиозную – потребность помянуть его добрым словом, поделиться, хоть вкратце воспоминаниями о нем и его судьбе.

Тут необходимо начать – вопреки правилу: *de mortuis nil nisi bene* – с того, что было в нем слабого и неудовлетворительного. Сюда принадлежат, прежде всего, его собственная философская система. Чисто объективно-научная ее ценность – очень невелика. За вычетом некоторых основательных и остроумных соображений по частным вопросам логики, его философская теория поражала всех действительно компетентных читателей, с одной стороны, своей грубоватостью и топорностью, а с другой – своей устарелостью. А.И. Введенский создал свою философскую систему в 80-х годах прошлого века, в эпоху, когда и на западе уровень философской мысли был довольно низок и новейший подъем ее только что начинался. Имея сразу при своем выступлении большой академический успех (Введенский был замечательным лектором и преподавателем) и сразу в молодые годы заняв кафедру в петербургском университете, А.И. Введенский, как это, к сожалению, часто бывает с русскими

учеными, перестал следить за развитием науки, мало читал и всю жизнь разрабатывал и приводил в систематический порядок идеи, зародившиеся у него в самом начале его философской работы. Из философии Канта он создал себе некое упрощенное кантианство, приблизительно соответствовавшее уровню немецкого кантианства 70-х годов 19 века, и всю жизнь упрямо отстаивал его не только против всякой «метафизики», но и против всего дальнейшего немецкого развития кантианства (которое он, впрочем, знал больше по наслышке). Это умственное состояние поддерживалось в нем типичными чертами его характера – властностью, истинно-русским «самодурством». Он не терпел возражений и критики и все новое в философской мысли заранее резко осуждал, не обнаруживая даже желаний внимательно в него вдуматься. Свои собственные, упрощенные и примитивные теории он излагал и доказывал с какой-то утомительно-чрезмерной – как говорил Ницше о таких произведениях – «оскорбительной» ясностью: читатель, к которому он обращался, был студент или курсистка без самостоятельного суждения – существо которому надо вбить в голову некоторые простые и на вид бесспорные истины, и из головы которого надо неумолимо-логичным «приведением к нелепости» выбить всякую ненаучную «дурь» и всякие «фантазии». В его литературном стиле было что-то от Чернышевского или от стиля философских рассуждений Льва Толстого.

Неудивительно, что он должен был вести неустанную ожесточенную борьбу со всеми зачинателями и участниками новейшего русского философского движения. Много пришлось нам всем, работникам в русской философии, воевать с ним и с обеих сторон война не всегда оставалась на почве идейного спора, а слишком часто переходила в личные столкновения. Добавлю тут же, что под слоем грубости и самодурства таилось в А.И. Введенском скромность и доброта и часто он первый стыдливо извинялся перед нами, своими младшими товарищами, в допущенных резкостях.

И все-таки – не только теперь, после его смерти, но и задолго до нее я признавал, что этот с научно-систематической стороны примитивный и устаревший философ был оригинальным и замечательным русским мыслителем и что в его во многом несправедливой борьбе против возрождающейся русской метафизики и религиозной философии была своя правда и притом подлинная, последняя – р е л и г и о з н а я правда.

Начну с указания, что его «кантианство» было, как бы о нем не судить по существу, совершенно самобытным и в исключительной мере национально-русским. Помнится, на юбилее А.И. Введенского в 1912 году его главный идейный противник проф. Н.О. Лосский, сказал в своей речи, что Введенский проповедует «не риккеотианство и не когенианство, а введенианство». И это совершенно верно. Не углубляясь здесь в подробности, достаточно сказать, что Введенский, не примыкая ни к одному из немецких толкований, создал из многосложной, хрупкой и туманно-воздушной систе-

мы Канта какую-то очень увесистую, выпуклую, «неладно скроенную, но крепко сшитую» философию здравого смысла, проникнутую и примитивной верой в научное знание и примитивным, цельным, чисто русским скептицизмом. В культурно философском смысле это совсем не было туманным «идеализмом», напротив гносеологический идеализм выражал здесь настоящий здоровый реализм, веру в конкретную земную природу человека и человеческого ума, направленного на земную жизнь и в тщету всяких превыспренных умствований.

В пылу борьбы с А.И. Введенским мы принимали его философию за типично русский н и г и л и з м. Но то была ошибка. Последние интимные философские мотивы свои он целомудренно скрывал и нелегко было их разобрать. Лишь понемногу удавалось распознать, что он был своеобразным религиозным мыслителем умственного типа Паскаля или Якоби, мыслителем, который боролся с религиозной философией и метафизикой и яростно отстаивал бессилие человеческого ума за пределами чувственной реальности – в интересах охранения подлинной религиозной веры от ее рационализации. Проще всего, при более близком личном знакомстве обнаруживалось, что он был верующим христианином и притом не в каком-либо идеалистически-философском смысле, а в смысле принадлежности к православной церкви. Как-то случайно, во время ужина в излюбленном университетской публикой ресторанчике Панча на 1-й линии Вас. острова обнаружилось, что он соблюдает пост: «так оно здоровее» – мотивировал он стыдливо, но не трудно было догадаться, что он думал не об одном лишь телесном здоровье. В своих научных речах и писаньях он тоже лишь случайно «проговаривался» в этом смысле. Так в последнем издании его «Логики» полемика против метафизики и религиозной философии завершается внушительно-суровым указанием со ссылкой на ап. Павла, что христианство есть не метафизика и не теория, а вера, целиком опирающаяся на факт воскресения Христа – факт, который философски никак нельзя «доказать». Повторяю, что скептицизм был сродни скептицизму Паскаля или Якоби, или отца церкви Тертуллиана, но вместе с тем в какой-то оригинально типично-русской вариации этого умственно-духовного склада. Надо воспитывать в людях уважение к знанию и логической дисциплиной научить их мужественной последовательности и трезвости мысли и вместе с тем строго обуздывать все поползновения мысли разобраться в последнем божественном смысле бытия, чтобы дерзновением мысли не исказить смиренности веры, не заменить призрачной бесплодностью человеческих теорий – таков примерно последний интимный смысл философствования А.И. Введенского.

С полной ясностью это раскрылось лишь совсем недавно, уже после укрепления большевизма в России. Мыслитель, который при старом режиме заслужил репутацию скептика, в эпоху свирепого деспотизма атеистической власти, рискуя последними грошами своего жалования, на которое он подерживал свое голодное существование (он тогда еще не был уволен из уни-

верситета), а, может быть, и гораздо бóльшим, больной и почти уже умирающий, выступил в 1921 году (в петербургском журнале «Мысль», вскоре потом запрещенном) с смелой, по большевицким нравам, дерзкой статьей «Судьба веры в Бога в борьбе с атеизмом». Он доказывал, что атеизм, как и религиозность, есть не научная истина, а слепая вера, которая, однако, и с моральной и с логической стороны имеют за себя гораздо меньшее основание, чем вера в Бога и которую только невежество может принимать за научно-доказанную истину. И с чисто свифтовским сарказмом он предлагал властям исповедать на практике свой атеизм – декретом, разрешающим убивать старых и ненужных членов общества и питаться их телами. Надо представить себе обстановку и условия, среди которых то писалось, чтобы понять всю духовную значительность этой статьи. Это было открытое готовое на мученичество исповедание веры в Бога и религиозные основы нравственной жизни перед лицом торжествующего атеистического бесчинства – исповедание, совершенное умирающим стариком.

Наступление и укрепление большевизма подействовало на А.И. Введенского удручающе – многие и даже из его сверстников по возрасту, сумели хоть внешним образом приспособиться к новому режиму – он не смог; он как-то сразу одряхлел не только физически, но и душевно и молча умирал, но вместе с тем духовно ни на йоту не поддавался «новому режиму» – как свидетельствует его указанное выступление. И одновременно исчезло все тяжелое и властное в его характере, и он производил трогательное впечатление своей добротой и мягкостью. В 18-20-е гг. я, живя в Саратове, находился с ним в частной переписке: мы, провинциалы, тогда считали своей обязанностью подкармливать хлебными посылками наших голодающих петербургских и московских друзей: такие посылки несколько раз посылал я к А.И. Введенскому. Трогательна была его благодарность за них, вся проникнутая глубоким религиозным чувством. Престарелый ученый призывал благословение Божие на меня и мою семью за черный хлеб, доходивший до него черствым и часть наполовину сгнившим. Но также трогательно он отзывался и на мои бедствия. Когда я однажды сообщил ему, что моей семье угрожает выселение из квартиры, он ответил мне: «Молю Бога, да минует Вас это испытание» и я чувствовал, что это не фраза!

Это объединение среди бедствий, принесенных революцией, было, думается, не только внешним: под ним скрывалась помимо воли осознанная духовная солидарность. Теперь, перед только что закрывшейся его могилой, сознаешь, насколько мало значительна, была в сущности, наша идейная борьба с А.И. Введенским по сравнению с тем главным, что нас объединяло. Своим особым путем шел А.И. Введенский к последней правде, не понимая других и ими не понимаемый, и он честно учил молодежь – учил ее сразу и строгой научной мысли, и вере; и никогда не соблазнял он из «малых сих». Тяжкие страдания испытал он в конце своей жизни, потерял все земные блага, но не потерял своей веры. В историю русского философского просвещения он наве-

гда записал свое имя; то, что его преемникам представлялось устаревшим в его статьях, в свое время было новым и нужным; и борясь с «метафизикой» он одновременно боролся за право философии и за уважение к ней против всяческого варварства и нигилизма. Дай Бог, чтобы Россия не з а б ы л а его имени и его последней работы.

* * *

Об Александре Ивановиче Введенском С.Л. Франк написал очень хорошо. Пожалуй, исключительно хорошо. В историографии такой характеристики А.И. Введенского и сделанного Франком конечного вывода из «русского критицизма» просто нет. Главное утверждение статьи преисполнено высоким контрастом. А.И. Введенский – этот «с научно-систематической стороны примитивный (! – А.Е.) и устарелый (! – А.Е.) философ – был оригинальным и замечательным русским мыслителем», а «в его во многом несправедливой борьбе против русской метафизики и религиозной философии была своя правда, и притом подлинная, последняя – религиозная правда», «его “кантианство”» (С.Л. Франк не удержался и взял это слово в кавычки) было самобытным и в исключительной мере национально-русским». Он – сейчас вместе с читателем мы выделим в оценках С.Л. Франка главное – был «своеобразным религиозным мыслителем», который «в интересах охранения подлинной религиозной веры от ее рационализации» говорил о «бессилии человеческого ума за пределами чувственной реальности». Чтобы больше увязать философа-кантианца с русскостью, мы могли бы выразить это убеждение по-иному, сказав, например, так: «А.И. Введенский вместе с Ф.М. Достоевским и с С.Л. Франком (см. его «Предмет знания» и «Душа человека») знает, что рационализировать внутренний мир личности невозможно».

Выражая удовлетворение суммарной характеристикой мышления А.И. Введенского, мы понимаем, что она была выражением личного отношения С.Л. Франка к знакомому профессору. Его поражает и восхищает мужество этого человека, который, несмотря на опасно изменившиеся обстоятельства русской жизни, упрямо хранил нравственные ценности университетской профессуры и не страшился о них говорить.

Если бы статья имела характер некролога, то можно было бы ожидать от автора напоминания об основных вехах жизненного пути усопшего и указания на его общественно-культурную роль. Но нет, статья С.Л. Франка – это сердца горестные заметы.

Но признаемся, что как раз потому, что воспоминания С.Л. Франка являются глубоко личными, бесконечно далекими от любого официоза, неприятно поражает характеристика философии А.И. Введенского в параметрах «устарелости», «грубоватости» и даже «топорности». Знакомому с ней понятно, что С.Л. Франк казнит Введенского за психологическую интерпретацию Канта «Ну и что?» – спросит читатель. Такая интерпретация была присуща многим и порицалась многими тоже. Например, почтаив рецензию Б.В. Яковенко на второе

издание «Логика как части теории познания»¹, он увидит, что автор указывает на те же грехи философии А.И. Введенского, что и С.Л. Франк, но оценивает их просто как *недостатки* исследования.

Объективное описание критицизма А.И. Введенского С.Л. Франк предложил на следующий год после кончины профессора. В немецком журнале *Kantstudien* (Berlin, 1926. Bd. 31) он публикует свой обзор «Русская философия последних пятнадцати лет». Философская позиция А.И. Введенского изложена здесь достаточно полно и безоценочно: «В области теории познания и логики вначале нужно упомянуть книгу недавно скончавшегося проф. Петербургского университета кантианца Александра Введенского “Логика как часть теории познания” (1913). «В ней сделана попытка построить систему логики на главном принципе кантовского критицизма. Однако критицизм понимается в строго последовательном психологически-антропологическом смысле. Научное познание имеет дело только с человеческими представлениями, но никогда с самими предметами. Логика отличается от психологии тем, что она является не описанием представлений, а определяет их познавательную годность». Если представление может быть описано логически непротиворечиво, оно становится знанием. Представления метафизического характера, такие как Бог, бессмертие души и проч., не могут быть описаны логически непротиворечиво, следовательно, метафизика как наука невозможна, мы не только не можем познать содержание «вещи в себе», мы также не знаем существует ли «вещь в себе», и даже понятие «вещь в себе» оказывается чисто проблематичным – возможным, но ни в коем случае не доказанным... В итоге это должно составить «новое, легкое и непроверяемое доказательство критицизма». Но в целом критицизм представлен здесь в грубо-психологическом релятивизме «здорового человеческого рассудка». Религиозное верование остается только чистой верой, равно недоказанной, как и непровергнутой... «Философское мировоззрение А.И. Введенского стоит в русской мысли совершенно отдельно; ее (т.е. русской мысли. – А.Е.) главное устремление идет в совершенно ином, принципиально онтологическом направлении» (См. С.Л. Франк. Русское мировоззрение. СПб., «Наука», 1996. С. 617–618). Известно, что названное направление было направлением религиозной философии в России.

Рассказав в статье *Kantstudien* о Введенском (стоящим в русской философии «отдельно»), далее С.Л. Франк изложил главное содержание своей работы «Предмет знания», которую он защищал на степень магистра в мае 1915 года. В отличие от Введенского, он находился в русле «главного устремления» русской мысли. В его работе логика и гносеология обосновывались онтологически, а его интуитивный онтологизм был увязан и с гегелевской диалектикой, и с учением Марбургской школы. Работая над статьей, С.Л. Франк, наверное,

¹ «Логос» 1912–1913 г. Кн. 1–2. С. 383–387.

вспоминал, как при защите магистерской он встретил серьезные возражения от своих коллег, стоявших «отдельно» в русской философии – Введенского и Лапшина... Все же диссертант был удостоен искомой степени.

Суждение С.Л. Франка об особенном, отдельном месте А.И. Введенского в русской философии приглашает читателя републикуемой статьи присмотреться, во-первых, к контрасту личной религиозности А.И. Введенского и аполитичности его философии и, во-вторых, к нейтрализации этого конфликта у него же: конфликта нет; есть разум и есть вера; разум – это разум, а вера – это вера. Конечность разума намекает на что-то, лежащее за его пределами. Запредельное и есть область веры.

В изложении теоретической позиции А.И. Введенского его младший коллега С.Л. Франк констатирует: «критицизм понимается в строго последовательном психологически-антропологическом смысле». Это все же не оценки типа «устарелость», «примитивность», «топорность» и т.п. Между тем «устарелый» и «топорный» А.И. Введенский доказывал то же, о чем всю жизнь писал С.Л. Франк, обогащенный развитием современной философии: «запредельное есть область веры».

А.А. Ермичёв